

Учения о природе государства и его единстве в современном государствоведении

Проф. Н. И. Палиенко

1

Несмотря на все различия, существующие в определении отличительных признаков государства, в воззрениях на его происхождение, социальный характер его властвования, задачи и цели, государство как в обычных представлениях, так и в учениях философов, социологов и юристов синтезируется, как некое социальное целое, единство во множестве составляющих его элементов. Вопрос же о природе этого единства и поныне остается спорным.

Для одних это единство лишь идеальное, в действительности, реально, не существующее, а лишь постулируемое нами для удобства обозрения множества государственных элементов путем объединения их под углом зрения некоего общего признака; для других это единство реальное, проистекающее из тесной внутренней связанности элементов: государство не простое множество людей, находящихся в отношениях господства и подчинения, и лишь внешним образом объединяемое наличием общей территории, одних и тех же правителей, законов и учреждений, но это особое социальное существо, коллективное целое, отличающееся по природе своей от составляющих его людей, некий организм или даже надорганизм (Спенсер), своеобразное природное единство, или единство психологического характера, как учит органическая школа во всех ее направлениях, биологическом и психологическом, государство есть общество, достигшее самоопределения личности, как учил, следуя за Гегелем, Л. Штейн, личность с особою волею или с особым коллективным духом, с особым сознанием.

По справедливому замечанию Спекторского („Номинализм и реализм в общественных науках“, 1915 г.), и в настоящее время продолжается старый спор, поднятый еще в примитивных формах средневековыми схоластиками, реалистами и номиналистами, по вопросу, существуют ли роды и виды в действительности или же только в нашем сознании. Если они существуют в действительности, то обладают ли

они телесным бытием отдельно от чувственных вещей или нет? Реалисты, как известно, утверждали, что общие понятия обладают самостоятельным, хотя и метафизическим бытием, являются сущностями, номиналисты же утверждали, что общие понятия — только логические обобщения, суммирующие одинаковые признаки у соответствующих конкретных предметов.

Применяя в этом старом значении термины „реализм“ и „номинализм“ к современности (хотя теперь, наоборот, отрицающие положение, что универсалии являются реальностями, называют себя реалистами), мы видим, что современные „реалисты“ рассматривают общество и государство, как особые реальные универсалии, отличающиеся от входящих в них индивидов не только количественно, но и качественно; номиналисты же, напротив, не признают общество и государство самодовлеющими ипостасями, а лишь собирательным понятием, логическим отвлечением того, что является общим у составляющих их индивидов.

Для „реалистов“ государство — особая реальность, универсалия, воплощенная идея, как выражался Гегель, или, как учит органическая школа, организм естественный, биологический; по мнению же других — духовный, нравственный или сложный общественный организм, являющийся целюю системою, входящих в него социальных организмов. (Гирке).

В своем труде „Социологическое и юридическое понятие государства“¹⁾ известный современный государствовед Кельзен, критикуя различные социологические и юридические концепции государства, поражается тем единодушием, которое существует почти у всех новейших социологов по вопросу о признании государства особым реальным единством, образуемым соединением и психическим взаимодействием составляющих его людей. Как наиболее совершенное выражение таких воззрений, Кельзен приводит именно следующее рассуждение Зиммеля из его обширного труда по социологии²⁾: „Общество“ — говорит Зиммель — образуется тогда, когда много индивидов находится в постоянном взаимодействии. Это взаимодействие возникает всегда из определенных влечений и для определенных целей. Оно приводит к тому, что из индивидуальных носителей этих влечений и целей образуется единство, именно „общество“. Единство в эмпирическом смысле есть не что иное, как взаимодействие элементов; органическое тело есть единство, так как его органы находятся в более тесном взаимном обмене своих энергий, чем с каким-либо другим внешним бытием. Государство также едино, т. к. между его гражданами существует соответственное отношение взаимодействия: ведь, и мир мы не могли бы признавать единым, если бы каждая из его частей не влияла сколько —

¹⁾ *H. Kelsen. Der soziologische und der juristische Staatsbegriff. Kritische Untersuchung des Verhältnisses von Staat und Recht 1922 r.*

²⁾ *G. Simmel. Sociologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung 1908.*

нибудь на каждую другую, если бы где-нибудь была оборвана взаимность хотя бы и посредственного воздействия.

Каждое единство или обобществление может по способу и силе взаимодействия иметь весьма различную степень, начиная с эфемерного соединения для совместной прогулки до семьи, от отношений до первого отказа от них, до принадлежности к государству, от отдельного общества до средневековой гильдии⁴.

В отличие от биологического направления в социологии, психологическое направление признает и все функции общества и процесс его развития главным образом процессом психологического характера. Ученик Зиммеля, покойный академик Кистяковский, утверждал в своей известной написанной на немецком языке работе „Общество и индивид“, что и экономическая деятельность, являющаяся материальной основой каждого общества, не дает права рассматривать социальные функции как физиологические, т. к. эта деятельность имеет только характер духовно-механический, а не физиологический. Притом экономическая деятельность не составляет само общество, которое состоит из совокупности лиц и их непосредственного психического взаимодействия, а не из всего того, что касается этих лиц в общественной и частной их жизни, или того, что они для себя делают. Сущность человеческого общества, в противоположность соединениям животных, именно в том и заключается, что общение между индивидами у людей преимущественно имеет духовный характер, то-есть живет в сознании членов человеческого общества, общества же, которые основаны исключительно на физиологической связи, как так называемые государства животных, изучаются не общественной наукой, а зоологией¹).

Кельзен справедливо указывает, что, так как психическое воздействие не ограничено пространством, такое понимание природы государства, как реального единства, возникающего из взаимодействия чисто психических элементов, даже трудно согласить с обычным представлением о государстве, как пространственно, территориально ограниченном единстве, а также с понятием о государственном народе, множестве людей, телесное существование которых и биологически-физиологические функции которых, как и психологические, так же относятся к государству; даже более того, в известном смысле именно внешнее поведение людей с прямым исключением их внутренней, духовной жизни, т.-е. именно их биологически-физиологические функции, их материальное существо, признаются принадлежащим к государству.

Но независимо от всего этого, указывает Кельзен, если соединение людей, называемое „государством“, понимают, как психическое взаимодействие, то из этого еще нельзя выводить единства государства, т. к. не всякое взаимодействие означает „соединение“ социальных

¹) Dr. Th. Kistiakowski. Gesellschaft und Einzelwesen. Berlin 1899 г., стр. 202 — 203.

элементов. Социологическое исследование противопоставляет ассоциацию, образующую общество как единство, диссоциации, разрушающей это общественное единство, а эти раз'единяющие силы также проявляются в „взаимодействии“ психических элементов, выражаясь в борьбе, ненависти, вражде, конкуренции, в хозяйственных, религиозных и иных противоречиях общества.

Поэтому тот, кто признает „взаимодействие“ психических элементов основой общества, должен показать особенность отличия тех взаимодействий, которые соединяют людей, от тех, которые раз'единяют их, но это совершенно безнадежное дело, замечает Кельзен, так как при ближайшем анализе оказывается, что собственный смысл того, что называют социальным соединением, не может быть объяснен понятием взаимодействия.

Если бы социальное соединение было тождественно с психическим взаимодействием, тогда не было бы никакого социального расчленения и дифференциации, а существовало бы только одно единственное человеческое общество. Опираясь только критерием объединяющего взаимодействия, совершенно невозможно выделить из бесчисленных групп, на которые распадается человечество, то особое соединение, которое называют государством. Семья, нация, рабочий класс, религиозные общества — все они были бы, в силу взаимодействия, соединенными единствами и так как однако эти единства должны отличаться друг от друга и от социального единства государства, то должно бы предположить совершенно метасоциологическое или метапсихологическое понятие этих единств и в особенности государства¹⁾.

По замечанию Кельзена, все отличие между органической социологией и неорганической социологией психического направления заключается в том, что „первая вполне последовательно вместе с организмом социальной души принимает и организм социального тела, а вторая считает возможным ограничиться лишь конструированием вполне органического коллективного духа“²⁾.

Выше было приведено замечание Кельзена, что обоснование органического, реального единства государства на взаимодействии психических элементов составляющих его людей трудно согласить с ходячим представлением о государстве, как о пространственно ограниченной территориальной организации. Но именно этот территориальный элемент, землю, почву государства, известный политико-географ Ратцель полагает в основу своего „биографического“, как он его называет, органического учения о государстве, развиваемого им в I главе его „Политической географии“³⁾.

¹⁾ Kelsen. Назв. соч., стр. 8.

²⁾ Kelsen. Назв. соч., стр. 38.

³⁾ Prof. Friedrich Ratzel. Politische Geographie. Изд. 1897 г. (2-е издание 1909 г.), стр. 1 — 25.

„Государство“ — говорит Ратцель — „есть форма распространения жизни на земле. Государство есть кусок (Stuck) человечества, человеческое творение (Werk) и вместе с тем кусок земли, почвы. Оба эти элемента органически соединены, неразрывны. Государства должны жить со своей землей. Государственная наука выражает это несколько туманно, говоря, что территория принадлежит к существу государства, и рассматривает суверенитет как территориальное верховенство. История показывает нам, что все политические силы, овладевая территорией, землею, становятся государствообразующими силами. Государство является организмом, в котором определенная часть земной поверхности так входит, что свойства государства составляются из свойств народа и земли (ее величины, положения, границ, качеств, формы и т. д.). Государство является организмом не только потому, что оно является соединением исполненной жизни народа с землею, но и потому, что это соединение до такой степени укрепляется их взаимодействием, что оба они составляют одно целое и не могут быть оторваны друг от друга без утраты жизни. Развитие каждого государства есть прогрессивная организация его земли путем все более тесного соединения ее с народом. Индивидуальность народа, естественно, определена его землей“¹⁾.

Однако и Ратцель, подобно другим представителям органического учения, наделяет своеобразною душою изображенный им территориальный организм государства, организм, впрочем, как он говорит, весьма несовершенный по сравнению с организмом животных и растений вследствие сохранения членами государства, людьми, своей индивидуальности. Душою государства, одушевляющею схему его живого тела, является, говорит Ратцель, политическая идея. Сущности этой идеи Ратцель не объясняет, но указывает, что она также имеет свое развитие.

В простом государстве эта идея является только волей властителя, такой же преходящей, как и жизнь человека, а в культурном государстве весь народ является ее носителем.

По мнению Ратцеля, столь много попыток научного подхода к государству было главным образом потому мало плодотворно, что они ограничивали свое рассмотрение аналогиями между агрегатом людей и строением органического существа, которое в качестве организма стоит гораздо выше государства; государство же заключает в своем составе наиболее индивидуализированное творение, а именно человека, который не жертвует ни одной частью, ни одной клеточкою своего существа целому, в которое он включен, и в котором все части взаимно равны и в каждый момент, как самостоятельные творения, могут разорвать связь с целым.

¹⁾ *Ratzel*. Назв. соч., стр. 5—6.